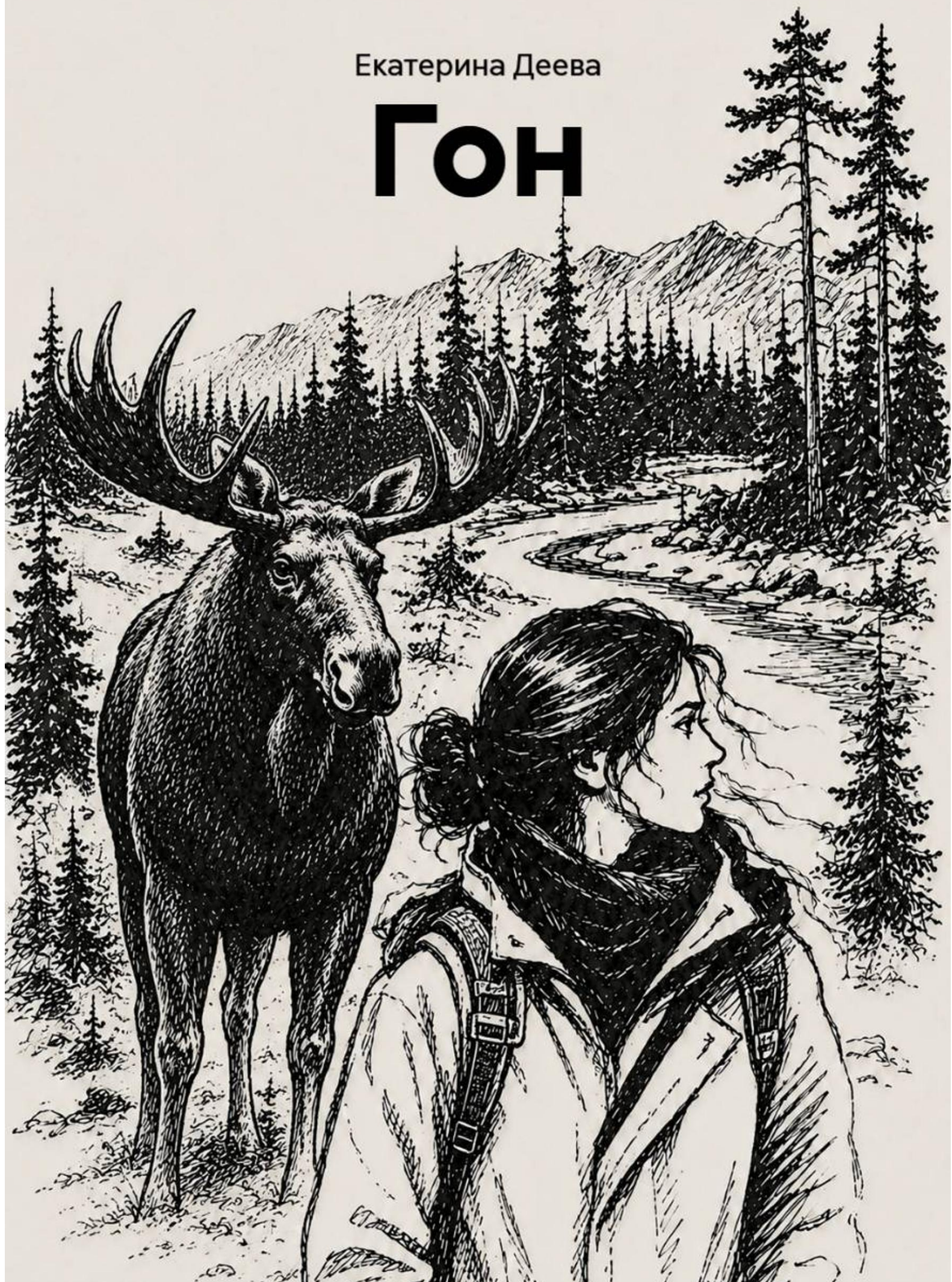

Екатерина Деева

Гон

Екатерина Деева

Гон

«Автор»

2026

Деева Е.

Гон / Е. Деева — «Автор», 2026

Северный Урал. Заброшенный посёлок Рукав, затерянный среди бескрайней тайги и снегов. Когда-то здесь находилась колония системы ГУЛАГ, а теперь остались лишь полуразрушенные дома, несколько упрямых жителей и лес, медленно стирающий следы человеческой жизни. Журналистка Женя приезжает в Рукав ради репортажа о вымирающей глубинке. Но обычная командировка неожиданно превращается в череду событий — несчастный случай в тайге и встреча с угрюмым егерем, после которых её прежняя жизнь меняется навсегда. Постепенно Женя оказывается втянута в историю, связанную с тайнами прошлого, жестокостью и людьми, привыкшими считать себя хозяевами жизни. Вернувшись домой к мужу — успешному областному депутату, — она всё сильнее запутывается между чувством долга и мучительным притяжением к человеку из таёжной глуши. «Гон» — атмосферный роман с элементами мистики о любви, власти и той первобытной силе природы, рядом с которой человек неизбежно остаётся один на один со своей истинной сущностью.

© Деева Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Гон

Глава

1

Северный Урал, 2008 год

Старенький УАЗик нещадно трясло. На бесчисленных снежных кочках машина неистово танцевала гопак – так и норовила броситься в объятья заснеженных сосен, нависших вокруг дороги тёмной стеной. Попытка записывать беседу в блокнот – небольшой, размером с ладонь – была оставлена после первой же сотни метров.

Рука, которой Женя уже несколько часов держалась за пассажирский поручень, безбожно ныла, и её, отяжелевшую в предплечье, приходилось через силу удерживать в вертикальном положении.

Ко всему прочему, жутко укачивало. Ранние бутерброды, наскоро съеденные на маленькой железнодорожной станции, отзывались мучительной тошнотой и недобрым словом.

Денису приходилось намного хуже: задние сиденья УАЗа за ненадобностью были сняты, и бедный парень, сидя прямо на полу, застеленном пропахшей порохом ветошью, всю дорогу лавировал между рыболовными снастями, синим ледобуром с красной ручкой, зачехлёнными ружьями, патронами, канистрами с бензином, парой аккумуляторов и большими, «челночными» сумками с продуктами. Он крепко прижимал к себе рюкзак с фотоаппаратом.

– Николай Степанович, может, остановимся? Сил больше нет... – наконец, не выдержав, осторожно попросила Женя.

– С непривычки-то оно и понятно, – улыбнулся старый охотник. – Погодите немного, «карман» вот найду подходящий.

Машина пробиралась по зимнику – дороге, проложенной по замёрзшим болотам. С ноября по апрель, когда топи и реки скованы крепким льдом, такие сезонные маршруты – единственный способ добраться наземным транспортом до труднодоступных населённых пунктов в непроходимой уральской тайге.

Летом же в этих вязких болотах, скрытых под обманчивым мхом и россыпью красной клюквы, не проехать и метра: трясина не помилует – затянет...

Стало светать. Где-то далеко, на невидимом горизонте, солнце начинало новый день, и проснувшееся черничное небо с каждым километром выцветало на глазах путешественников.

Наконец показался тот самый «карман» – небольшой, заснеженный подлесок у зимника. Не выключая мотор, Николай Степаныч остановил машину.

– Как говорится, не глуши в глуши! – шутливо заключил он, жестом приглашая журналистов на выход.

– Забавная игра слов, – улыбнулась Женя, однако мысль о том, что в тайге это может стать вопросом жизни и смерти, пробежала холодком по спине. – Надо записать... – она полезла в карман за блокнотом, стараясь скрыть тревожные мысли.

Наконец-то можно было опустить затёкшую руку! Онемевшая, она не слушалась, дрожала, и буквы вышли кривые и неаккуратные.

– Игра слов, что спасёт вам жизнь в тайге, – в учительской манере добавил охотник, подняв указательный палец вверх. – Ну, господа-товарищи, на перекур!

Журналисты высыпали из машины, как малые дети – шумно, с нетерпением, – и стали втягивать чистый морозный воздух. Колючий, он тут же обжёг их до самых лёгких, сковал лица и покрыл ресницы белой тушью. Зимой в этих краях термометр мог запросто скользнуть вниз

до минус сорока пяти, но сегодня повезло: всего-ничего, минус тридцать три. После долгой, мучительной тряски «узники» УАЗа едва ли ощущали крепкий мороз и с почти детским ликованием радовались возможности размять затёкшие конечности.

Денис начал приседать, Женя ему вторила. Затем они прыгали и делали наклоны. Снег на подлесе был твёрдый, плотный, и оттого валенки, в которые коллеги предусмотрительно переобулись на станции, издавали особый, звонкий хруст.

Это было забавное зрелище: долговязый, как удочка, парень и миниатюрная, едва достигающая ему до плеча девушка, в валенках и лыжных костюмах, дружно и ритмично выполняли незамысловатые гимнастические упражнения, чем необыкновенно напоминали клоунов, пародирующих акробатов.

Женя вспыхнула румянцем, тяжело задышала, прикрыв рот толстой варежкой из козьей шерсти (спасибо бабушке, торгующей возле районного супермаркета). И только теперь заметила, какая вокруг стоит тишина. Девственная, первозданная, величественная, она пугала своим невидимым присутствием. Но Женя знала, что они не одни: следы волков и лосей были разбросаны повсюду...

В этот момент первые лучи тихого зимнего солнца осторожно будили спящий лес. Бережно, словно ладони матери, они скользили от дерева к дереву и, нежно прикасаясь к каждому, возвещали о рождении нового дня. Скоро проснутся звери, птицы, и тайга наполнится привычными ей звуками. А пока лишь пыхтение прыгавших журналистов и хруст снега под их валенками, отзываясь сонным эхом, заполняли пустынный подлесок.

Странное чувство охватило Женю. С одной стороны, это единение с природой, где на сотни километров не было ни души, вызывало в ней необъяснимый душевный подъём. Словно опьянённая морозным воздухом, она ощущала тихое ликование – ту особую благодать, что люди испытывают в местах силы, и смутное предчувствие: грядёт что-то неведомое, что ей предстоит разгадать. Вместе с тем её не покидало отчётливое ощущение чуждости, неуместности собственного присутствия в этих диких местах.

Всё это время Николай Степаныч стоял у своего «вездехода» и курил. В расстёгнутой на две пуговицы телогрейке, без шапки и варежек. Видимо, никакой холод не возьмёт человека, закалённого самой матушкой-тайгой. Охотник молча наблюдал за своими пассажирами, и его морщинистые, но всё ещё полные жизни глаза так и посмеивались.

Раскрасневшиеся, журналисты вернулись к машине.

– Ну что, молодёжь, размяли косточки? – поинтересовался он, тщательно втапывая окурок в снег.

– Чувствуем себя намного лучше.

– Погодите, ещё и полпути не проехали, – подмигнул таёжный старожил.

Женя с Денисом переглянулись в изумлении.

– Вы серьёзно?

Охотник не ответил. Вместо этого он подошёл к переднему колесу УАЗа и, словно это был верный, преданный пёс, ласково похлопал по нему рукой:

– Я вам так скажу, – хитрая, почти мальчишеская улыбка растянулась на его лице, – если бы не эти шлёпки, не случился бы у вас никакой репортаж...

Оказалось, несколько лет назад Николай Степанович «переобул» свой старенький советский внедорожник, заменив штатные шины на тракторные.

– От «Беларуса» взял. Твёрдые, как камень. А на простых колёсах сюда ни в жизнь не добраться – застрянешь, как пить дать! Уж поверьте мне, ребята, я эти места знаю как свои пять пальцев. Особенно если заметелит – всё, считай, пропал. Дорогу заносит в считанные секунды.

Уже совсем рассвело. Где-то вдалеке ухнул заблудившийся ветер, встревожил пушистые белые шапки на верхушках сосен – и снова стих. Женя подняла взгляд к февральскому небу: бледное, почти прозрачное, оно напоминало сказочный хрустальный купол, под которым – и

старый, но ещё крепкий автомобиль, и его столь же закалённый хозяин Степаныч, и умник Денис с не по годам угрюмым выражением лица и она сама – невысокая, но бойкая – все они среди всей этой необъятной чёрно-белой тайги казались не настоящими, а лишь персонажами зимней композиции внутри стеклянного снежного шара...

С большой неохотой снова сели в машину.

За окном замелькал однообразный пейзаж: по обе стороны дороги частоколом вздымались в морозное небо могучие североуральские сосны, петляла между ними узкая белая лента зимника, тяжело срывались со снега, едва услышав рёв мотора, перепуганные глухари. Как же красива в своей суровости тайга! И как же она сурова в своей красе!

Говорят, из таёжного человека слова не вытянешь, но Николай Степаныч оказался увлекательным рассказчиком.

– А эту историю вы, наверное, уже слышали. Дело было в конце семидесятых... – начал он.

Его большие, медвежьи руки ловко управляли рулём, по старинке обмотанным цветной изолентой. Старик закурил.

– Смастерил, значит, один местный зэк «вертушку» – вертолёт, то бишь. Взял движок от бензопилы «Дружба», а к нему собственноручно выструганный пропеллер приспособил. Благо, деревья у нас – лес! – старик широко улыбнулся, обнажив жёлтые, изъеденные табачным дымом зубы. – В назначенный час вертолёт с беглецом «на борту» взлетел. Вот она – долгожданная свобода! Перелетел через колючку, как вдруг... – охотник свистом изобразил падающий снаряд, – ...мотор заглох, и вертолёт рухнул на землю. Там горе-лётчика и повязали...

Женя действительно читала об этом случае, когда готовилась к репортажу, но вида не подала: не хотелось обижать Степаныча. Похоже, общение с товарищами с «Большой земли», как он шутливо назвал их при встрече, доставляло старому таёжнику особое удовольствие.

– Ну ясное дело! – вдруг самоуверенно раздалось сзади: Денис с лёгкой насмешкой двинул бровями. – Для качественного побега нужно минимум семь таких движков, а то и восемь: шесть держат вес, остальные – на всякий случай. Ну и винт, разумеется, должен быть с переменным шагом.

– Я смотрю, молодой человек неплохо разбирается в технике! – с неподдельным удивлением щёлкнул языком охотник, скосив взгляд на Дениса в зеркало заднего вида.

– Или в побегах, – шутливо бросила Женя через плечо: сидевший на трясушем полу коллега ответил ей кривой полуулыбкой.

Денису явно было скучно: Николай Степаныч категорически отказался от фотосъёмки. «Отвезти – отвезу, а снимать меня не надо, ребят, уж простите. Что я, герой какой-нибудь?». Конечно, было немного обидно (как бы замечательно портрет этого бывалого охотника дополнил сюжет!), но его желание следовало уважать.

– Здесь особого ума не надо, – просто заметил Денис.

– Похвально! – Степаныч уважительно кивнул. – Всегда приятно иметь дело с умными людьми.

Очередной окурок ловко пролетел в узкую оконную щель, на несколько секунд заполнив салон автомобиля хлёстким морозцем.

– Тогда вот вам ещё одна история, – воодушевлённо начал старик. – Другому заключённому повезло больше. Хотя... как сказать, повезло... Уйти-то из колонии он ушёл. Хватило ума зимой удрать, а зимы здесь, как вы понимаете, лютые! (при слове «лютые» Степаныч крепко, по-мужицки сжал кулак). Словом, заплутал этот товарищ в лесных дебрях. Бродил, бродил несколько дней и, в конце концов, вышел к какой-то деревеньке. Сунулся туда... а там – ещё одна колония! – охотник хрипло усмехнулся. – В советское время таких по тайге разбросано было – как семечек...

На мгновение бодрый голос Степаныча умолк – чиркнула зажигалка, воздух снова наполнился дешёвым табачным дымом, – а затем продолжал:

– ...Пришёл, значит, этот беглец в поселение с радостью – устал по дремучим лесам шататься. Повезло ещё, что зверь не задрал, живым добрался. Правда, пока скитался, продрал всю обувку – пришлось ноги тряпьем обматывать. Да разве это спасёт в такую пору? Все пальцы напрочь отморозил! Говорят, отвалились потом – точно сосульки с крыши по весне...

Женя дёрнула головой, будто стряхивая с воображения липкую, неприятную картинку, что так живо описал Степаныч. В машине, под потрескивание папиросы, ненадолго повисла тишина.

Вскоре тёмный лес неожиданно кончился, и УАЗик выехал на широкое белое поле.

– Лозьва, – с видом заправского гида объявил Степаныч. – Прошу всех отстегнуться!

Журналистка удивлённо взглянула на него.

– Как это? Зачем?

– Техника безопасности.

Старик освободился от ремня, Женя последовала его примеру. Позади послышалось нервное покашливание: Денису отстёгивать было нечего.

– На обратном пути обязательно поменяемся с тобой местами, – с сочувствием пообещала ему девушка.

– Ловлю на слове, – уныло пробубнил он.

Эх, Женя, Женя... Знала бы ты, каким будет твой обратный путь из тайги...

А пока Николай Степаныч сбросил скорость до минимума, и УАЗик медленно въехал на спящую под ледяным одеялом реку.

Женя вцепилась в поручень, сердце забилося быстрее: а что, если лёд под колёсами тяжёлого автомобиля треснет, и они провалятся под воду?

– Фуры перегруженные «ныряют», бывает, – подтвердил её опасения охотник. – Но это на больших зимниках, на «федералах». В Якутии там, на Чукотке. А здесь, кроме таких любителей, как я, почти никто и не ездит.

И, заметив Женино беспокойство, добавил по-отечески:

– Зима нынче суровая выдалась, река хорошо промёрзла, не бойсь. Лучше на красоты на наши уральские погляди!

И действительно: зимник, проложенный по замёрзшей Лозьве, оказался просто сказочно красив. Река извивалась серебряной нитью среди февральского леса, мохнатые ели песцовым воротником обрамляли её крутые, скалистые берега. Деревья настолько обросли снегом, что напоминали гигантские свечи, залитые густым воском.

Женя задумчиво смотрела в окно. Ей с трудом верилось, что ещё каких-нибудь двадцать лет назад в этой торжественно-тихой тайге рой ревущих казённых бензопил жадно вгрызлся в вековые деревья. Сопrotивляясь до последнего, они стонали под тупыми зубьями, а после, побеждённые, с глухим, мучительным треском валялись на землю. Стянутых проволокой, их тащили к реке, и река, широкая и сильная, принимала поверженных гигантов в свои холодные объятия и неумолимо несла в пасть лагерных пилорам...

Теперь же кругом была тишина. Только изредка попадались заброшенные поселения и полуразрушенные бараки, щедро засыпанные снегом.

Несмотря на крепкий мороз, окна в УАЗике совсем не замерзли. По совету одного магаданского товарища, «что в прошлом году преставился от язвы», Степаныч наклеил на основные стёкла вторые, дополнительные.

– И теперь, – он деловито ткнул сухим охотничьим пальцем в воображаемую карту, – хоть на Северный полюс!

– Аплодирую сидя, Николай Степаныч! – перекрикивая гул мотора, отозвался сзади Денис: в его голосе прозвучала нотка искренней похвалы. – Современный внедорожник купить

– оособого ума не нужно, лишь бы деньги были. А вот превратить старенький УАЗик в этого зверя – чтобы по бездорожью, да по дикой тайге – вот это уже настоящее мастерство!

Женя заметила, как глаза старика довольно заблестели: похвала от молодого «технаря», несомненно, пришлась ему по душе. И в самом деле: он наслаждался живостью их беседы, а ещё и тем, что именно он, простой старый охотник, вместе со своим железным товарищем с честью выполняет своё дело – доставляет журналистов в самые дебри уральской тайги.

– А рыбы здесь знаете сколько! – со знанием дела присвистнул он. – Окунёк, хариус, язь... Щучка отлично идёт. А уж таймень – загляденье!

Он окатил пассажиров весёлым взглядом и, дружески подтрунивая, продолжил:

– Вот вы мне, уважаемые товарищи журналисты, не поверите, скажете: «Да ладно тебе, Степаныч, пургу гнать!» А я вам слово даю, рыбака с полувековым стажем: посчастливилось мне однажды поймать экземпляр килограммов на тридцать, не меньше...

По ровному, гладкому льду ехать оказалось на редкость легко – совсем не укачивало, не трясло, а нескончаемые охотничьи и рыбацкие байки, которыми Степаныч, как всякий бывалый таёжник, был щедро нашпигован, оживляли путь. И всё же Женю не покидало состояние сосущей тревоги: а если лёд треснет, а если уйдут под воду?.. И только когда ледовая переправа осталась позади – в одиночестве синеть в лучах призрачного северного солнца, а впереди медленно выплыл, разрастаясь, густой тёмный сосняк, она наконец выдохнула с облегчением, радуясь, как массивные тракторные колёса снова вгрызаются в надёжную, привычную твердь земли.

Не успел УАЗ проехать и пары километров по лесной дороге, как охотник вдруг вскрикнул:

– Смотрите, смотрите, лось! – и взволнованно ткнул пальцем в стекло. – Ё-маё, какая громадина! Наверное, полтонны весит, не меньше! Да ещё и с рогами! Первый раз такую «дуру» вижу!

Женя посмотрела в окно и не поверила глазам: на лесной опушке, спиной к дороге, стоял огромный лось. Высотой в холке около трёх метров – и это, не считая рогов! Его короткое, массивное туловище отливало бурым цветом, а на длинных ногах были «надеты» светло-серые меховые гольфы. Увесистые, разлапистые рога были настолько велики, что, казалось, подпирали собой зимнее небо.

Николай Степаныч сбросил скорость и, как в прошлый раз, не глуша мотор, плавно остановил машину. Денис торопливо вытащил фотоаппарат.

– Вот это сохатый! В марте новые рога полезут, а он ещё старые не сбросил! – прицокнул охотник. – Парень, ты снимаешь? А то расскажу товарищам – они мне ни за что не поверят, засмеют: мол, где это видано, чтобы лось в феврале рогатый ходил?!

Изумлённые, все молча наблюдали за зверем.

– Он нас видит? – тихо спросила Женя.

– У копытных глаза слабые, – покачал головой Степаныч. – Но он знает, что мы здесь. Слышит. И чует.

В этот самый момент, будто в подтверждение его слов, лось медленно повернул голову и пристально посмотрел на машину. Не с испугом и не с любопытством – а как-то иначе. Как хозяин, к которому случайно забрели непрошенные гости.

Жене стало не по себе, но она, как и её спутники, была не в силах оторвать взгляд от зверя.

Крупная, горбоносая морда, большие, похожие на ослиные, уши, маленькие настороженные глаза. С мускулистой шеи свисала длинная борода – «серьга», как назвал её Степаныч. Вздутая верхняя губа придавала сохатому угрюмый, несколько несурзный вид.

Прошло несколько долгих секунд, и вот лось уже развернулся и неторопливо пересёк заснеженный подлесок. Зверь не бежал: похоже, его совсем не пугало присутствие людей. Скорее, наоборот.

В оцепенении пассажиры наблюдали странную картину: как светлые лосиные ноги слились со снегом, и было видно только тёмное сгорбленное туловище, которое, словно дух тайги, медленно проплыло по воздуху и скрылось в лесной чаще.

Машина снова затряслась по зимнику, но Женю не покидало странное ощущение чьего-то взгляда на спине. Будто за ними кто-то наблюдал...

– Вот это встреча! – озадаченно произнёс Николай Степаныч. Его прежний охотничий восторг сменился явной растерянностью. – Обычно лоси теряют бдительность, когда брачуют: агрессивуют, «бычат», даже на человека могут напасть. Так это в сентябре бывает! А на дворе – февраль! – он хорошенько выругался. – После «свадьбы» рога лосю уже ни к чему, и в начале зимы он их... того... – очередной окурок вылетел в окно, – ...сбрасывает.

– Значит этот ещё не женился, раз до сих пор рогатый ходит, – усмехнулась Женя. – В активном поиске, так сказать.

– Что-то затянулся его поиск! – грустно поддакнул Денис. Он, как и лось, был холост.

Всю оставшуюся дорогу Степаныч, поражённый встречей с необычным зверем, только и делал, что рассказывал про сохатых.

– По молодости и на лосину ходил, пробовал себя. А сейчас – неее, – по-стариковски протянул он. – Тяжело в моём возрасте за крупной дичью бегать. Я теперь больше по утке да рябчику...

Только он это сказал, как из-под колёс резко взметнулись несколько пёстрых комочков и пульей скрылись в ветвях ближайших деревьев.

– А как лоси дуреют, когда «гонят»? Ууу...

– Гонят? – переспросила Женя.

Старик рассмеялся.

– Это мы, охотники, так период гона называем. Смекаете, о чём я? – он многозначительно подёргал бровями.

– Кажется, смекаю, – кивнула она, смущённо хихикнув.

– Так вот, – продолжал Степаныч, – в это время они землю в дупель изрывают, деревья мочалят... А режут-то, режут! Неистово, утробно, с придыхом. Будто и не режут вовсе, а стонут. Мол, бабоньки, а вот и я, жених пришёл! А ему в ответ фырканье со всех сторон – лосихи отзываются. Но выбирает бык всегда одну – гарема не терпит.

«Хороший зверь, порядочный» – с одобрением подумала Женя.

– А запах какой стоит – мама не горюй! – не унимался Степаныч.

– Это ещё почему? – удивилась Женя.

– Ну как же, территорию метит! Запашина такая, что даже не всякий пёс за «гонимым» лосем пойдёт! Разве что мой Атаман... Тот ничем не брезгует, настоящий охотничий пёс. Правда, теперь старый стал – как и я, – улыбнулся он с самоиронией.

И как журналистка ни пыталась вернуть разговор к теме предстоящего репортажа – и наводящими вопросами, и намёками, – охотник оставался верен сохатым.

– А вы знали, что у лося нет желчного пузыря? – произнёс он с видимым знанием дела. – А так – нет и всё! Не предусмотрено природой. Оттого и лупит мухоморы как миленький – и хоть бы хны, живёхонький!..

Шли часы, старенький УАЗик всё трясся и пылил снегом по таёжному бездорожью. Жене даже стало казаться, что они ездят по кругу: вот этот покосившийся кедр они уже видели, а выпорхнувшие из-под колёс рябчики были точь-в-точь как те, которых они чуть не задавили какое-то время назад.

Поэтому, когда Степаныч наконец произнёс: «Ну вот и приехали!», девушка с нетерпением припала к окну. И то, что она увидела, повергло её в откровенное замешательство.

2

Ещё в поезде, так и не сумев заснуть из-за шумевшей в соседнем купе компании, Женя выскользнула в тамбур за глотком свежего воздуха. И остановилась, поражённая: стены и потолок, будто оспа, были густо усыпаны мелкими ледяными наростами; пол под ногами белел, точно свежая скатерть; а двери с обеих сторон вагона надёжно подпирали высокие, по колено, снежные заносы. Она невольно ощутила себя пленницей морозильной камеры в старом советском холодильнике.

«Не на южный курорт, однако, едем...» – с самоиронией подумала она и плотнее закуталась в тёплую куртку.

На белой стене, вместо привычной переходной двери – это был последний вагон, – виднелось небольшое окно, обтянутое бархатной тканью мороза. Женя прижала к нему ладонь, и оно с неохотой, от тепла человеческой руки, обнажило кусочек таинственного ночного мира, убегающего по обе стороны от железнодорожного полотна.

Она с любопытством припала к оголившемуся холодному стеклу, но кроме собственного отражения в тусклом свете тамбурной лампочки ничего не увидела. И только приглядевшись сквозь саму себя – два усталых сонных глаза – различила вылетающую из-под вагона одинокую рельсовую ленту, которую тут же с пугающей жадностью пожирала темнота.

В груди что-то сжалось, Женю передёрнуло: но от холода ли?

Туду-туду. Рельсовый стык. Первая пара колёс.

Туду-туду. Вторая.

Вспомнилось, как мама в детстве делала массаж...

Рельсы-рельсы, шпалы-шпалы...

Ехал поезд запоздалый...

Туду-туду, туду-туду...

Она всматривалась в чёрную стену таёжного леса, разделённую узкими путями. Время от времени на ней загорались огоньки крошечных станций: точно редкие воспоминания, они вспыхивали на мгновение и тут же гасли. Монотонный стук колёс странным образом успокаивал воспалённое бессонницей сознание, и Женя размышляла о закономерной прямолинейности жизни, которая, подобно поезду, движется только вперёд.

Но вот до неё донёсся приглушённый смех и возбуждённые голоса. Дверь резко дёрнулась, и та самая компания, от которой Женя пыталась скрыться, под ленивое ворчание проводницы громко ввалилась в тамбур на перекур...

Окончательно избавиться от шумных попутчиков удалось лишь на станции, где, по случайному совпадению, корреспонденты вышли вместе.

Крепкий мороз в считанные секунды загнал прибывших пассажиров в здание вокзала, поезд ушёл, и Женя с Денисом остались на ночном перроне одни. Их тут же окружила провинциальная тишина, нарушаемая редким лаем далёкой собаки. Было так холодно, что, казалось, даже воздух замёрз и повис над станцией тяжёлой искрящейся массой.

– Ну и дубак! – поёжился Денис, широко зевая белым паром в воротник куртки.

Везунчик: всю дорогу спал как убитый.

– Не то слово, – суетливо бросила Женя, глазами распределяя большие сумки, стоящие на снегу. – Так, ты носи эти – они самые тяжёлые, а я возьму остальные.

– Как скажешь, капитан! – покорно протянул Денис.

И они поспешили в тёплый вокзал.

Он представлял собой унылое одноэтажное здание с невысокой прямоугольной надстройкой по центру, которая в слабом свете жёлтых фонарей придавала всему фасаду сходство с

надгробным памятником, вырастающим из темноты. На чуть покато́й крыше в ожидании весны застыл толстый слой снега. Над единственным входом угадывалось выцветшее название станции. Сходство с могильной плитой усиливал указанный чуть ниже год постройки: чьим-то «гениальным» архитектурным решением его разбили на отдельные фасадные блоки, отчего казалось, что «19» – это дата рождения, а «37» – смерти.

Жене стало не по себе: что-то ёкнуло, засосало в груди, охватило нестерпимо тоскливое чувство, от которого стало горько во рту.

Внутри вокзала это ощущение только усилилось. Зал ожидания, выкрашенный в жуткий зелёный цвет, был пуст: шумные попутчики здесь задерживаться не стали. Лишь у дальнего окна двое мужчин в потёртых дублёнках пили пиво и о чём-то тихо переговаривались. Заметив журналистов, они замолчали и со свойственной провинциалам настороженностью уставились на вошедших.

– А что, очень даже гостеприимно у них здесь, – вполголоса пошутил Денис.

Женя сдержанно усмехнулась. Возможно, именно поэтому вокзал и пустовал: только слепой остался бы равнодушен к такому интерьеру. А может, местные нарочно создавали эту угрюмую атмосферу – своеобразную защиту от туристов, которых в последнее время всё чаще манили красоты Северного Урала...

Зазвонил мобильный телефон.

– Да, Николай Степанович... Уже на вокзале. Только сошли с поезда... Я как раз собиралась вам позвонить – вы меня опередили... Спасибо, ждём вас!

– Скоро приедет наш провожатый, – оживлённо сообщила Женя.

Её глаза блестели: всё шло по плану, и, честно говоря, ей не терпелось покинуть это место, действующее на неё угнетающе.

– Отлично. Перекусить успеем? – Дениса, казалось, обстановка совсем не напрягала.

Они достали оставшиеся с вечера бутерброды – слежавшиеся, неаппетитные после ночи в жарко натопленном вагоне. Девушка взяла один и, неохотно жуя, отошла к окну. Местные проследили за ней исподлобья.

За окном – оно выходило на другую сторону вокзала – была ночь. Одинокий уличный фонарь тускло освещал пятачок, где теснились бежевая «девятка» с шашками такси и старый «Пазик», на боку которого с трудом угадывалась выцветшая надпись: «Городу – 195 лет». Женя жадно всматривалась в темноту с почти детским нетерпением. «Вот сейчас прожую кусочек и увижу свет приближающихся фар...» – думала она, будто силой мысли могла заставить Степаныча оказаться здесь прямо сейчас.

Так с ней было всегда: любое событие, о котором ей предстояло писать, вызывало в ней невероятный душевный подъём. Даже к самому сухому бюрократическому интервью она подходила творчески. Ей нравилось заранее представлять место действия, героев, их истории, переживания и радости; придумывать заковыристые вопросы и самой же отвечать на них, проигрывать возможные сценарии и потом наблюдать, как они «сбываются».

Каждый раз с тихим ликованием Женя предвкушала момент, когда из длинных, разрозненных диктофонных записей и десятков исписанных блокнотных листов она создаст нечто полноценное, живое, интересное.

Вот и сейчас ей не терпелось начать репортаж: история обещала быть увлекательной, но одновременно девушка ощущала странное, едва уловимое предчувствие.

«Глупости, – отмахнулась она, – учёные доказали, что еда влияет на настроение. Вероятно, во всём виноват этот несвежий бутерброд».

Последний кусок был проглочен через силу – Женя не знала, когда им удастся поесть снова.

Она продолжала всматриваться в оконную тьму, но магического появления фар так и не случилось: Степаныч подъехал к вокзалу с другой стороны.

3

И вот теперь, наконец добравшись до Рукава – десять часов на поезде и ещё семь на УАЗике по бездорожью – Женя снова ощутила то непонятное, гнетущее чувство тоски, что охватило её на железнодорожной станции.

Дремучий лес внезапно, будто в сказке, расступился, и машина въехала в заброшенный посёлок.

На самом его краю, слева от зимника, лежал старый перевёрнутый локомотив – вернее то, что от него осталось: проржавевший остов, напоминавший обглоданный скелет вымершего чудовища. Сквозь тёмные пустые проёмы когда-то замысловатых конструкций, на одной из которых кто-то с издёвкой вывел кривоватую надпись «Добро пожаловать!», проглядывало дымчатое небо, и Женя невольно передёрнула плечами: ей показалось, что сама мёртвая железка шепчет ей эту фразу.

– От узкоколейки, – с досадой бросил Степаныч. – Всю на металлолом разобрали... Обгрызли, как шакалы... Всё к чертям собачьим растащили! Даже колючую проволоку – и ту...

Много лет подряд тысячи заключённых ежедневно сплавляли по реке и перегоняли по рельсам таёжный лес. Исправно служила «железка» и гражданским: на мотодрезинах они ездили на охоту, за грибами и ягодами и, конечно, до «цивилизации» – той самой железнодорожной станции, где совсем недавно сошли журналисты.

– А потом зону закрыли, – продолжал старик. – Спецконтингент по другим колониям раскидали, работы не стало, люди поразъехались... Вот и разворовали...

Исправительная колония в Рукаве была своего рода градообразующим предприятием: обеспечивала местных работой. В 90-е годы таёжные тюрьмы ликвидировали – построенные ещё семьдесят лет назад силами первых заключённых, они просто сгнили от старости. Не стала исключением и рукавинская. Жители навсегда покинули свои дома в поисках заработка, посёлок опустел. Остались лишь единицы, не пожелавшие никуда уезжать.

Идею для репортажа подсказал Жене её муж, Максим – екатеринбургский чиновник и любитель охоты. Сам он в этих краях никогда не бывал, предпочитая охотничьи уголья потеплее, но о заброшенных уральских посёлках знал не понаслышке: работа на государственной службе обязывала интересоваться региональным развитием.

Оставалось лишь одно – добраться до тайги.

И вот машина медленно катила по центральной улице: зияющими дырами вместо окон пассажиров приветствовали сотни разрушенных домов; остатки некогда белёных, а теперь сизых печей одиноко торчали, словно могильные кресты. Угрюмо то тут, то там на пустынных дворах выглядывала из-под снега одинокая прошлогодняя полынь. Почерневшие столбы электропередач, как брошенные маяки, молчаливо напоминали о давно ушедших днях – о какой-никакой, тюремной, лютой, волчьей – но всё же жизни; о том, что когда-то здесь было электричество, и в домах горел свет.

От мрачного вида посёлка у Жени защемило душу: так и захотелось крикнуть Степанычу – «Скорее обратно, домой!» – и уехать прочь отсюда. Но вместо этого, поборов внезапно накатившее чувство отчаяния (в конце концов, это всего лишь репортаж, и уже через пару дней они вернутся домой), девушка с недоверием спросила:

– Неужели здесь действительно ещё кто-то живёт?

– Живёт-живёт, ещё как живёт, – закивал таёжник. – Скоро всё сами увидите.

Женя вынула из кармана телефон – как и предупредил Максим, связи здесь не было. Да и откуда ей взяться в этом медвежьем углу...

Она мрачно подумала, что сама мысль – о невозможности быть услышанной на другом конце линии – вызывает в ней странный ступор, почти детскую беспомощность, словно она вдруг разучилась дышать. Особенно здесь, в этом забытом, уже исчезнувшем с карты месте. И

вместе с тем ей пришло в голову, что для рукавиц это, быть может, осознанный выбор: в отличие от неё, они свободны от этой постоянной, неотвязной нужды быть на связи.

Машина тем временем, выбравшись с разбитой центральной улицы, свернула на узкую, занесённую снегом дорогу и, вздрагивая на белых кочках, пошла в сторону окраины.

– А это – местный аэропорт, – прервал её раздумья Степаныч, махнув в сторону вытянутого деревянного здания горчичного цвета с пристроенной сверху кособокой диспетчерской вышкой. На фоне тоскливой поселковой разрухи оно выглядело нелепо, словно первые цветы мать-и-мачехи, торчащие из грязного сугроба.

– Аэропорт? Здесь? Шутите, Николай Степанович?

– Да ни грамма!

– Для чего он в Рукаве? Кто сюда летает?

– Ну как же... В былые времена по таёжным посёлкам рейсовый «кукурузник» ходил – местные в область выбирались. Каждый день сюда «аннушки» садились! А потом прикрыли – невыгодно стало, возить-то некого... – он помолчал, чиркая спичкой.

– Выходит, сейчас аэропорт закрыт?

– Почему же, – усмехнулся Степаныч. – Работает лётная лавочка, куда ей деться. Вертолёты, бывает, навевываются. Им взлётная полоса без надобности – вон клочок расчистили, и садятся. Чины иногда прилетают на «царскую охоту», так сказать. Говорят, даже сам губернатор однажды был – с неофициальным визитом... Федька беззубый, вон, от волнения даже баню свою подлатал – мало ли, ещё раз нагрянет, – он гоготнул с присвистом. – Ну и если кому худо станет – спасателей вызвать, а как иначе? Дорог-то нет.

– И часто вызывают?

– Да нее, – махнул рукой старик. – Здесь остались только крепкие духом. Закалённые, так сказать.

– Тайгой?

Охотник фыркнул с усмешкой:

– Скорее водкой.

Сделав небольшой крюк у окраины, машина снова выехала на центральную улицу и прошла по ней ещё немного, прежде чем Степаныч свернул в узкий проулок. У самой кромки Рукава, за занесённым снегом пустырьём, темнели очередные руины – приземистое здание из силикатного кирпича с провалившейся крышей и выбитыми окнами. Степаныч кивнул в ту сторону, пояснив, что это бывшее депо узкоколейки. Машина проехала мимо, не замедляя хода.

Наконец в заброшенном посёлке показались первые признаки жизни: тихое, но уверенное «дыхание» одного из домов – тонкий столб ярко-белого дыма. Там Степаныч и остановил машину.

– Посидите пока внутри, не морозьтесь, – сказал он по-хозяйски. – А я – на разведку.

Старик вышел из УАЗа, подошёл к покосившейся калитке и размашисто постучал в неё. В ответ нервно и сипло залаяла собака.

– Галка! – громко позвал Степаныч. – Гаалка! К вам тут гости с «Большой земли» пожаловали! Выходи встречай!

Через несколько мгновений на крыльцо выскочила женщина среднего роста в старом полушубке и наскоро наброшенной шали. Она сразу узнала охотника и поспешила через двор к калитке. Пару минут они оживлённо разговаривали, создав вокруг себя клубок белого пара. Женя наблюдала, как женщина всплеснула руками, взволнованно посмотрев на автомобиль, и начала нервно теревать концы шали: здесь явно не ожидали подобного визита.

Наконец Степаныч подал знак – выходить из машины.

– Вот, познакомьтесь, – представил старик женщину. – Галина Геннадьевна Брайгерт. Старшая по посёлку. Она вам всё расскажет и покажет.

– Значит, из журнала... – Галка с интересом и смущением пожала руки журналистам.

Она была некрасива: лет за шестьдесят, худое открытое лицо с обвисшей кожей, маленькие бегающие глаза. Из-под шали выбивались короткие волосы цвета прелой соломы. У женщины были отвратительные зубы, но она, похоже, этого совсем не стеснялась, широко открывая рот во время разговора.

Охотник помог Денису выгрузить из машины сумки, попросался:

– Неее, Галка, какой обед – пока ещё светло, поеду обратно. А ребят вот угости, они с ночи не ели, – и пообещал вернуться через два дня.

Когда УАЗик скрылся за поворотом, Женя вдруг вспомнила лося, встреченного по дороге в Рукав, и рассказы Степаныча про его «гарем» и тот тяжёлый, специфический запах, который наполнял лес во время гона.

«А всё-таки замечательная у меня работа, – усмехнулась она, – каждый раз новые места, новые декорации, новые лица... и даже морды. Где ещё услышишь такие пикантные подробности, да ещё в самом сердце тайги?»

– Ну идёте скорее в дом, холодина такая, – защебетала Галка, открывая калитку. – Только что ж заранее не предупредили о приезде? Я бы вам номер в гостинице подготовила...

Журналисты переглянулись в недоумении: сначала аэропорт, теперь гостиница... В этом захолустье?! Женщина явно шутит.

– Хорошо хоть места есть, – тараторила та, поднимаясь по заснеженным ступеням. – А то порой охотники с Москвы какой-нибудь нагрянут без предупреждения, а у меня все номера под завязку. Особенно в Новый год...

«Стоп, стоп, какая ещё гостиница, Галина Геннадьевна?!» – подумала Женя.

– Здесь, в Рукаве? – у неё никак не укладывалось в голове, каким образом могут пересекаться заброшенная колония и современное средство размещения гостей.

– А где ж ей ещё быть! – улыбнулась Галка. – Конечно, не пять звёзд, но пожить пару днейков можно. И потом, сюда ведь не за комфортом едут.

– А зачем же? За азартом?

– Можно и так сказать. Охотятся, рыбачат. Летом ягод полно, осенью – грибов, кедровой шишки. Места здесь дикие, богатые.

В доме Галины Геннадьевны оказалось жарко натоплено. В нос ударил запах печного дыма и кислой капусты. После долгой дороги, уставшие и промёрзшие, войдя с холодной улицы в тёплое помещение, журналисты почувствовали, как по телу разливается мягкая, приятная слабость.

– Голоднёхонькие с дороги-то? – засуетилась женщина, ловко сбрасывая валенки. – Как зимник перенесли? У Степаныча хорошая машина, не раз нас «на землю» отвозил... Да не стойте у порога, ещё и с сумками! Проходите, проходите...

– Нас знающие люди предупредили: к вам с пустыми руками не ездят, – молодые люди дружно опустили на пол набитые доверху клетчатые баулы. – Всею редакцией собирали. Всё самое нужное: продукты первой необходимости – крупа, макароны, мука... Тут – мыло, медикаменты...

– Ой, ребята, спасибо вам огромное! – раскудахталась Галка. – Столько всего! Дай бог вам здоровычка. Всё пригодится! Здесь ведь ни магазина, ни аптеки – один лес кругом. Спасибо, дорогие, спасибо... Потом разберёмся с сумками, сперва отдохните с дороги – тряслись по тайге...

Женщина сняла носки и прямо на босую ногу снова надела валенки – но на этот раз другие, очевидно, «домашние».

Чудные эти таёжные люди! Молодые люди с улыбкой переглянулись. Галина Геннадьевна заметила их взгляд:

– Ноги у меня мёрзнут, вот в чём дело. Сколько ни топлю... Возраст наверное...

– А почему без носков? – не удержалась Женя. – Валенки же колючие!

– А в том-то и секрет: так кровь охотнее к ногам поступает – оттого и тепло, – Галка кокетливо покрутила обутой в валенок ногой.

– Это вы сами придумали?

– Да прям, – махнула рукой хозяйка дома. – Вычитала в какой-то газете сто лет назад. Тюремная библиотека выписывала. А может, кто привёз газетку, уже и не вспомню...

Галина Геннадьевна хлопотала и стала собирать на стол – не по годам юркая и ловкая, то спускаясь в подпол, то шаря по старенькому серванту, то вертясь у печи, она напоминала занятого, суетливого муравья. Журналисты тем временем осматривали дом.

Всё в нём было просто и незамысловато: железная кровать на пружинах, пёстрые советские половики, кружевные занавески, телевизор, накрытый за ненадобностью старым пледом. В углу у печки стояла пара стареньких, потёртых лыж. Рядом, на кривом, но прочно вбитом гвозде, висели разномастные лыжные палки. Стены пестрили газетными вырезками, среди которых, как бы невзначай, висело большое охотничье ружьё.

– Неужели сама охотитесь, Галина Геннадьевна? – поинтересовалась Женя.

– Да что вы, какой из меня охотник! – бросила та. – Это для самообороны: у нас тут волки «прописались». Второй год мучаемся.

– В посёлок приходят?

– Да прямо во дворы ночью забираются! Совсем озверели, ничего не боятся. Почти всех собак съели.

– Вашей, кажется, повезло, – с беспристрастным видом заметил Денис.

– Матросу-то? – женщина вскинула редкие брови. – Ой, ему тоже досталось. Выхожу как-то утром кормить его – прошлой зимой дело было – смотрю, а там, батюшки! – возле будки весь снег залит кровью. Ну, думаю, утащили парня... А потом слышу – хрипит кто-то. Заглянула в будку – а это Матросик раненый, забился в угол, трясётся. Волки ему голову пытались откусить, всю шею изгрызли... Как вспомню – ой, жуткая картина, ребята. Еле выходила пса, уже и не надеялась. Правда, теперь он шуганный стал, всего боится. И лаять толком не может – только сипит да кричит, бедолага...

С печки лениво прыгнул молодой серый кот, потянулся, зевнул, и, подойдя к Жене, стал тереться об её ноги.

– А у Алексеича, бывшего надзирателя, так вообще обеих собак волки задрали. От одной только цепь осталась, а от второй хвост – нашли на окраине посёлка...

Галка вздохнула.

– Да и не только собак, – вздохнула Галка. – У кого хозяйство есть – тем и вовсе покоя нет. Коров держим, коз, кур... На ночь всё запираем, как можем. А всё равно, бывает, пролезут. Хитрые, черти. Чуть зазеваешься – и только ключья на снегу...

На столе появился горшок с супом из квашеной капусты и сковорода с ещё дымящейся жареной картошкой.

– Чем богаты, тем и рады. Раз без предупреждения приехали, – широко улыбнулась Галка. – Горяченькое – самое то после зимника. Угощайтесь на здоровье! А я пока тесто на пироги поставлю...

Журналисты с аппетитом налегли на простую еду, наблюдая, как Галкины руки ловко управляют с мукой. Смешивая ингредиенты, женщина рассказывала о том, как местные жители приспособились к этому суровому краю. Её слова обретали форму вместе с тестом, превращаясь в живое повествование о таёжной жизни заброшенного посёлка.

Однако, несмотря на гостеприимство поселковой старосты, Жене стало неудобно. Для городского человека такие истории звучат как деревенские страшилки или охотничьи байки – так далеки они от привычной жизни горожан. Когда те, выходя из дома, непременно берут

с собой кошелек и мобильник, жители Рукава даже в собственную баню не пойдут без ружья или вил.

– На то двустволку и держу, – спокойно сказала женщина, белой от муки рукой указав на стену, где висело оружие. – Зимы суровее стали, вот и приходят. В тайге мы все равны: что люди, что звери – каждый приспосабливается как может.

«Вот мы и подобрались к главному вопросу репортажа, – воодушевилась Женя. – Зачем же приспосабливаться к таким ужасным условиям, когда нет электричества, больницы, дорог, да ещё и волки в придачу? Не проще ли уехать «в цивилизацию»?»

Пока обедали и пили чай с брусничным вареньем, Галина Геннадьевна поведала журналистам свою историю.

Родилась Галка здесь, в посёлке, в семье репрессированных немцев, депортированных с Поволжья. Отец её в начале войны отправился на фронт, однако, будучи «без вины виноватым», в 1942 году был в срочном порядке демобилизован и вместе с женой отправлен в северный исправительно-трудовой лагерь на лесоповал.

– Я всю жизнь здесь прожила, привыкла, – говорила женщина. – По молодости уезжала в область, учиться на воспитателя – педагогический колледж окончила. Замуж вышла, но как-то не сложилось... Ни с мужем, ни вообще... Не моё это – город. По посёлку сердце тосковало. Рукавинская я, – женщина расплылась в улыбке. – Вернулась обратно, устроилась в детский сад. Здесь ведь когда-то сколько народу жило – тысяча человек, и это без заключённых! Это сейчас нас шестеро осталось...

Воображение мгновенно превращало Галкины слова в яркие, непривычные картины. Женя, следуя своей журналистской привычке, пыталась поставить себя на место рассказчицы и «полюбить» Рукав, как если бы сама выросла здесь. Но послевкусие чужого опыта оказалось странным – кислым и терпким, как ягоды брусники, которые в этот момент лопались у неё во рту.

После обеда Галка повела корреспондентов на другой край посёлка – заселяться в гостиницу.

На улице заметно потеплело (или Жене только так показалось после натопленного дома). В воздухе закружили крупные хлопья снега, поднялся ветер, создавший на заваленной дороге и без того частые сугробы.

По пути поселковая староста только успевала показывать на унылые развалины:

– Здесь у нас раньше почта была... Там клуб... Школа... А здесь – магазин...

– А это что ещё за экземпляр? – с удивлением спросил Денис, показывая на стоящий у дорожной обочины ярко-красный телефонный аппарат, наполовину засыпанный снегом.

– Ааа... – недовольно махнула рукой Галина Геннадьевна. – Это нам по указу президента установили, приезжали год назад с области. Программа какая-то, мол, чтоб связь с северными посёлками держать.

– И как, пользуетесь? – поинтересовалась Женя.

– Да какой там! – со смешком произнесла она и покосилась на аппарат. – К нему карты специальные покупать надо, на почту ехать, а ближайшая от нас в ста километрах! Одно хорошо – «скорую» бесплатно можно вызвать, наверно это и удерживает. А то давно бы на металлолом сдали эту штукину...

Пройдя немного, они остановились у заброшенного здания.

– Вот он, детский сад... Тридцать лет здесь проработала... – задумчиво вздохнула женщина.

Утопая по колёно в сугробах, мимо полуразрушенных веранд, где ещё угадывались остатки разноцветного детства, все гуськом пробрались ко входу. Еле открыли, казалось, намертво примёрзшую дверь.

Прошли по помещениям – типичная «заброшка». Всё разгромлено, разграблено. Местами вскрыт пол. Обгоревшей кожей слезла со стен краска. От люминесцентных ламп остались лишь короба, зиявшие с потолка пустыми глазницами. Всё, что можно было сдать на металлолом, продать или использовать на дрова, – растащили.

– А вот здесь ребята спали... – бывшая воспитатель остановилась на пороге одной из комнат.

Перед ними открылась печальная картина: в некогда детской спальне теперь лишь громоздились обломки кроватей. Железные части были варварски вырваны, а деревянные спинки валялись на грязном полу рассыпанной колодой карт. Игра закончилась...

– Лаком покрыты, дымят, – покачала головой Галка, предвосхищая вопрос о том, почему деревянные не забрали на растопку печей.

В этот момент Жене снова стало не по себе – возникло странное чувство необъяснимой тревоги. А когда они покидали детский сад, девушка споткнулась об откуда-то взявшуюся одноногую куклу.

Когда же, наконец, журналисты вместе со старостой добрались до окраины посёлка, к бывшей исправительной колонии, перед ними открылось печальное зрелище.

По периметру высились сутулые сторожевые вышки. Спирали колючей проволоки, когда-то натянутые над забором, теперь торчали из снега ржавыми обрывками, а сам забор прогнил и покосился. На одной из уцелевших досок болталась порыжевшая от времени табличка, на которой выцветшие буквы сквозь облупившуюся краску всё ещё предупреждали: «Запретная зона. Проход запрещён». Пустые дощатые бараки скалились осколками выбитых стёкол. А посреди этого ветхого лагерного наследия стояла небольшая церквушка с оторванным крестом – символ умирающей надежды.

– Воистину пейзаж в саврасовских тонах... – тихо произнесла Женя, задумчиво оглядывая окрестности.

– М-да... гостеприимством здесь и не пахло, – с едкой усмешкой ответил Денис.

Он собрался было добавить что-то ещё, но его прервал голос Галины Геннадьевны:

– Ну вот и пришли, – по-хозяйски произнесла она. – Идёмте за мной. Да идёмте же, не бойтесь!

Пройдя через помещение, некогда служившее контрольно-пропускным пунктом, они зашли на территорию колонии. Обогнув кривые бараки, остановились у большой бревенчатой избы. Все стёкла в ней были на месте, да и в целом она выглядела самым крепким строением во всём посёлке.

Журналисты осторожно последовали за Галкой внутрь. Та, словно угадав их мысли, поспешила разъяснить:

– Да что вы, здесь заключённых не держали! Они в бараках сидели. А тут – администрация тюрьмы...

Она провела гостей в «номер» – небольшую комнату с нехитрым убранством: три кровати, удивительно похожие на те, что стояли в детском саду, стол и печь-буржуйка. Всего таких «номеров» в гостинице насчитывалось восемь. Удобства располагались на улице.

– Рыбаки-охотники обычно большой компанией приезжают и всегда с ночёвкой. В жилые дома всех не заселишь, да и разбросаны они по посёлку. А тут все вместе, рядом, вот и решили организовать...

Женя выглянула в окно, затянутое цветастой занавеской с нелепо-жизнерадостным тропическим узором. За периметром колонии сразу же начинался густой хвойный лес. Севернее Рукава тянулась бескрайняя тайга: ни дорог, ни населённых пунктов. Надёжнее забора не придумаешь.

Полдень остался позади, и северное небо уже позёвывало, готовясь ко сну, и неспеша облачалось в розовую пижаму. В Рукаве световой день был совсем коротким, часов пять, не

больше: не успевал он начаться, вылиняв ночь, как уже снова тайга тёмным кольцом надвигалась на посёлок, и чёрное небо, словно крышкой, закрывало его от остального мира.

– Не пустует гостиница? – поинтересовалась журналистка.

– Бывает, конечно, – ответила Галина Геннадьевна, – но в целом гости приезжают регулярно, особенно в сезон охоты или под Новый год.

– А расплачиваются за проживание как? Деньгами?

– Кто как. Кому-то удобнее деньгами, но нам-то куда с ними. Поэтому обычно, как и вы, привозят продукты.

– И краску для волос, – не удержалась Женя, улыбнувшись.

Галина Геннадьевна сначала смутилась, а потом гордо повела плечом:

– Не без этого! Или вы думаете, мы тут совсем как дикари живём?

И, засмеявшись, добавила:

– Те, кто приезжает сюда часто, уже знают, чем я голову крашу. Привозят краску с запахом.

Женя внимательно посмотрела на Галку, пытаясь разгадать, что скрывает её некрасивая, но искренняя улыбка.

«Как это возможно? – думала она. – В этом забытом уголке, полном трудностей и лишений, эта женщина умудряется находить радость в самых обычных вещах. Как ей это удаётся? Удивительно...»

4

Танцующие огоньки свечей и потемневшие от копоти керосиновые лампы отбрасывали дрожащие, жёлтые отблески на восемь лиц – шестерых жителей посёлка и двух журналистов, собравшихся за ужином в доме Галины Геннадьевны.

В полумраке небольшая комната дышала печным жаром, негромким, чуть застенчивым переговариванием голосов и пёстрым, тяжёлым запахом накрытого стола.

Слово взяла женщина лет пятидесяти – бывшая охранница колонии, Кувалдина по документам, а в жизни – просто Кувалда: грубая и надутая, словно жаба, с лицом, на котором жизнь оставила глубокий отпечаток суровой профессии. Тёмные волосы, туго убранные в гладкую гульку, щедро подкрашенные глаза и широкие, малиновые губы лишь усиливали впечатление женщины разбитной и не признающей возражений.

– Ну что ж, добро пожаловать в Рукав! – с заметным волнением гаркнула Кувалда, поднимая первую рюмку.

Она, очевидно, всё ещё страдала тем неизлечимым недугом, что рождается после долгих лет службы среди решёток, – профессиональной деформацией. Весь вечер Кувалда крепко материлась, пересыпала речь сальными шутками и зычно гоготала грудным, квакающим смехом, с размаху хлопая широкой, как лопата, мужицкой ладонью по сдвинутым столам – так, что всё на них звенело и подпрыгивало.

Рядом с Кувалдой примостился её сожитель Серёга – худощавый тип с золотыми зубами, вероятно, доставшимися ему в наследство после нескольких отсидок. Рыжие, выющиеся волосы торчали во все стороны, и было в его облике что-то карикатурное, почти шутовское – в высоком, развязном голосе; в новом тимбойсовском свитере, столь популярном в начале девяностых, который он, должно быть, с бурной тюремной биографией просто не успел износить; в аккуратно, интеллигентно торчавшем из-под горловины голубом воротничке рубашки.

Пришла ещё одна странная пара – бывший тюремный надзиратель Алексеич, мужчина лет шестидесяти, и его юная спутница Настя, которой едва исполнилось восемнадцать.

– Из области привёз. Сирота она у нас, – бросил он резким, грубоватым голосом и с показной заботой погладил по голове молчаливую, глазастую девушку. Та лишь скромно, чуть виновато улыбнулась, опустив взгляд, и за весь вечер не проронила ни слова.

Ещё одним жителем, не пожелавшим покидать умирающий посёлок, оказался тот самый беззубый Фёдор, о котором упоминал Степаныч. Это был тихий, седовласый человек лет шестидесяти пяти, с бесцветными, усталыми глазами. Пока он досиживал свой срок, его жена скончалась от тяжёлой болезни, а единственный сын пал жертвой пагубной зависимости – и возвращение на родину после освобождения утратило для него всякий смысл.

Местные постарались на славу: стол ломился от румяных пирогов – с квашеной капустой, с картошкой, с лесными грибами. В густой домашней сметане пожарили щуку, пойманную в Лозье. Тут же стояли разносолы. Рядом дымились пельмени из мяса дикой птицы, поданные в горячем бульоне.

А варенья из брусники, клюквы и сосновых шишек подали в хрустальных конфетницах на ножках – тех самых, что в советские годы пылились в сервантах, дожидаясь особого случая. Среди выцветших тарелок, железных мисок, старой чугунной сковороды и простеньких столовых приборов, на столах, покрытых потёртыми клеёнчатыми скатертями, они выглядели до гротескного нелепо.

Впрочем, как и сами рукавицы, собравшиеся вместе. Ещё каких-нибудь десять лет назад одни из них ютились в камерах, а другие гремели ключами по коридорам и выводили заключённых строем на работы. А теперь – и те, и другие – сидят плечом к плечу, едят из одной миски, пьют из общего чайника.

Галка наклонилась к Жене, заметив, как та с любопытством разглядывает собравшихся.

– Видите, – сказала она полушёпотом, – зоны давно нет, а порядок остался. Они друг без друга уже не могут. Кто охранять привык, кто – чтобы его охраняли... Только теперь никто никому ничего не должен, всё по доброй воле.

В тот вечер ели много и, как водится на деревенских посиделках, пили тоже немало. Серёга угощал своим фирменным самогоном из запечённой клюквы – густым, тёмно-алым, ароматным. И рукавицы, сперва поглядывавшие на журналистов с осторожной сдержанностью, понемногу оттаивали: с каждой новой рюмкой лица их смягчались, глаза теплели, а разговоры становились всё живее.

Вспоминали прошлое – и, странное дело, с какой-то тёплой ностальгией говорили о той жизни «при зоне» (разве такое возможно?), – но и на нынешнее не жаловались. Лес рядом, река под боком, огород кормит – что ещё человеку нужно?

Женя неспешно выводила строки в своём блокноте: описания лиц, фразы, интонации – детали, которые могли ускользнуть. Денис вторил ей фотокамерой – ещё одним наблюдателем, объектив которого, снимок за снимком, собирал по крупницам атмосферу Рукава.

«Действительно ли они счастливы здесь, в глуши, оторванные от городской жизни и привычных благ цивилизации? – размышляла журналистка. – С другой стороны, силком их в заброшенном посёлке никто не держит. Или это бегство – от суеты, от обязательств, от норм и правил, которые навязывает «большая земля»? Что это: свобода или смирение?»

И вдруг Женя ощутила с необыкновенной ясностью: этим людям больше некуда идти. Никому они не нужны, кроме друг друга. Они живут здесь так, словно продолжают какой-то давний ритуал, утративший смысл для всех, кроме них: бывшие охраняют бывших, и каждый точно знает своё место, потому что других мест у них больше нет.

Разомлев от натопленной избы и самогона, она с лёгкой улыбкой смотрела на рукавицев: на бесшумного, сгорбившегося над тарелкой Фёдора; на Алексеича, в чьих жестах сквозила властная привычка контролировать жизни других; на тихую Настю, с длинной, падавшей на лицо чёлкой, словно укрывавшей её от чужих взглядов; на Кувалду с её раскатистым, «жабным» смехом; на Серёгу, золотые зубы которого поблёскивали при тусклом свете свечей и, конечно, на жизнелюбивую Галку...

И Жене вдруг пришло в голову, что всё самое важное в жизни этих людей уже произошло. Осталось только вот так сидеть вместе – пусть и случайной, странной, разрозненной, но всё же

неразрывной в своей заброшенности семьёй – и ждать, пока не погаснет последняя керосинка, пока густое, тягучее молчание тайги, что вечерами ложится на уцелевшие избы, не поглотит их окончательно...

У Фёдора в руках неожиданно появилась гармонь; его пальцы – в синей вязи татуировок – легко заскользили по кнопкам, меха затрепетали, разливая по избе звонкую, живую мелодию. Лицо мужчины, и без того простодушное, после обильного застолья покраснело, ослабло и приобрело почти блаженное выражение.

Кувалда, раздобревшая от выпитого, запела что-то весёлое – её зычный голос заполнил дом дикой, необузданной радостью. Серёга подхватил её песню своим уверенным козлиным тенорком.

Галка, сбросив передник, пустилась в пляс; её валенки ловко забарабанили по скрипучим половицам, отчаянно отбивая ритм. А вместе с ней, подвижная и игривая, заплясала на стенах её тень, повторяя каждый взмах руки, каждый поворот.

Алексеич, довольно развалившись на стуле, покачивал головой в такт, а Настя, пользуясь всеобщим весельем, смущённо, но с аппетитом уплетала маринованные огурцы.

– Душевная клюква у Серёги вышла... – сказала Женя, поборов зевоту, и взглянула на Дениса.

Несмотря на самый разгар гулянки, её вдруг потянуло ко сну. Неудивительно: столько часов по зимнику, а в поезде и вовсе не удалось сомкнуть глаз.

Дениса долго уговаривать не пришлось – совсем непьющий, от самогона он едва держался на ногах. Завтра утром Алексеич обещал сводить их на Лозьву порыбачить («Вдруг щуку поймаете – желание исполнит!»), рассказать о заброшенной колонии, заглянуть внутрь аэродромной избы... Репортаж продолжался! А значит, нужно как следует отдохнуть и выспаться – пусть и в гостинично-полевых условиях.

Кое-как отбившись от сельчан, которые ещё продолжали веселиться – «Оставайтесь, куда вы так рано – детское время!», «Давайте вместе споём!», «А на дорожку стопочку?» – журналисты поблагодарили за тёплый приём и, вооружившись «летучками» – керосиновыми фонарями «Летучая мышь», в тусклых стёклах которых прыгали крошечные язычки пламени, отправились в гостиницу. Проводить их вызвался Серёга.

– Жилая зона, отбой! – весело крикнул им вслед Алексеич, как бы подводя черту под этим причудливым, незатихающим вечером.

Когда Женя вышла на крыльцо, она на мгновение остановилась: из окон Галкиного дома лился на сугробы мягкий янтарный свет – редкое, человеческое тепло среди этой безбрежной тёмной тайги, где даже звезды, словно пугаясь, прятались за чёрными кронами.

5

Когда они вышли за калитку, мир будто провалился в чёрную бездну. В такой кромешной, вязкой тьме журналисты оказались впервые. Вытяни руку – ни за что не разглядишь!

Начиналась метель. Колючий ветер жёг щёки мелким, хлётким снегом, лез за воротник, сбивал дыхание. Они шли гуськом, прикрывая варежками лица. В руках у каждого покачивалась керосинка, тускло мерцая сквозь снежную мглу. Впереди шёл Серёга, за ним – Женя, последним плёлся Денис. Захмелевший, он с трудом переставлял ноги, что-то бормотал себе под нос, но ветер тут же утаскивал его слова в темноту.

Вскоре фотограф вдруг остановился и, смущённо кашлянув, пробормотал, что ему срочно нужно «в кусты».

– Ты с ума сошёл? – резко обернулась Женя, пытаясь перекричать ветер. – Куда ты здесь пойдёшь? Видишь, что творится? До гостиницы терпи!

– Не могу... придавило... – с отчаянием выдавил Денис. – Чёртов самогон...

– Чё у вас там? – недовольно крикнул Серёга, оборачиваясь через плечо.

Повезло, что не расслышал – обиделся бы наверняка.

– Да ничего особенного, – съязвила Женя, с усилием удерживая равновесие под порывами ветра. – Коллега мой возжелал уединения с природой. Погодка – так и шепчет!

– Самая что ни на есть... – пробормотал долговязый парень, переминаясь с ноги на ногу. – Только в эту «ароматную» будку я ночью не полезу – ещё провалюсь, не дай бог...

Серёга усмехнулся и шагнул в сторону.

– Идём, пацан, составлю тебе компанию. Главное – против ветра не вставай, – ухмыльнулся он.

При тусклом свете керосинки его зубы на мгновение сверкнули золотым, тревожным блеском.

Женя нахмурилась, но спорить не стала.

– Ладно... только быстрее, пожалуйста. И подальше отойдите...

С фонарём в руке мужчины пробрались через сугробы к ближайшей заброшке. Девушка осталась ждать на дороге, всматриваясь в темноту сквозь ветряную снежную завесу. В невидимые, осиротевшие избы, где когда-то выросли целые поколения. В воображаемые лица рукавиц, чья жизнь прошла здесь – рядом с колонией, от звонка до звонка.

Вдруг рядом Женя уловила чьё-то тяжёлое дыхание. Она замерла, вслушалась. Тишина. Показалось. Мало ли что взбредёт в нетрезвую голову. Это всего лишь гуляющий по развалинам ветер... Но нет. Дыхание – глухое, хрипящее – было уже ближе, ошутимее. Хрустнул снег. Женю окатила волна ледяного ужаса.

– Кто там? – крикнула она, тщетно вглядываясь в тёмные остатки забора, откуда доносились звуки. – Денис? Серёга? Это вы?

Ответа не последовало.

Сердце на мгновение застыло, а потом забилось с такой силой, что казалось, вот-вот вырвется из груди. Кто-то огромный и страшный стоял в нескольких шагах. Из темноты доносилось его глухое, зловещее дыхание.

Это был медведь-шатун.

Ещё в январе его разбудили и выманили из берлоги охотники, приехавшие в Рукав, но убить так и не смогли. Раненый, он бродил по тайге в поисках пищи. И вот теперь – больной, исхудавший, озлобленный – стоял в нескольких метрах от Жени. Их разделял лишь ветхий, покосившийся забор, перемахнуть который разъярённому зверю не составит большого труда...

Девушка хотела позвать мужчин на помощь (будь они неладны – приспичило им среди ночи!), но голос предательски пропал. Из-за сугробов, сквозь снежную мглу, донеслись обрывки разговора – Денис с Серёгой возвращались обратно. Вдруг раздался глухой, протяжный рык, и что-то с силой рвануло в темноте. Оледеневшие доски забора треснули, и огромная масса понеслась прямо на Женю.

В жуткой панике журналистка метнула в зверя рюкзак – в отчаянной надежде выиграть хоть несколько секунд – и бросилась наутёк. Её шапка слетела, и порывистый ветер захлестал по ушам ледяными иглами. Но она этого не замечала: в голове гремел страшный, медвежий рёв.

Она неслась вперёд, не разбирая дороги, гонимая страхом и инстинктом самосохранения. Перепрыгивая через сугробы, рискуя утонуть в них, она огибала выплывающие из темноты чёрные силуэты заборов, бань и сараев. Слабый огонёк «керосинки» дрожал в её руке, еле пробивая снежную завесу, освещая лишь несколько шагов перед собой. В ушах звенело, глаза застилал слёзный туман – такого ужаса Женя ещё никогда не испытывала.

Сколько она так бежала, девушка не знала. Посёлок-призрак остался позади, промелькнул старый заброшенный локомотив узкоколейки, закончилась просека и началась настоящая, глухая тайга. Но Женя всё мчалась вперёд, не осознавая, что за ней давно никто не гонится. Тяжело дыша, ошалев от пережитого, она внезапно споткнулась о заледеневший поваленный ствол. Перелетев через него, взвыла и, не успев среагировать, ударилась головой о ближайшее

дерево. Керосинка выскользнула из рук и упала в снег. Мир потух в одно мгновение, и журналистка потеряла сознание.

6

Царил полумрак. В воздухе висел удушающий запах сырости и крысиного помёта. Женя, с жадным ужасом вглядываясь в темноту, не могла разглядеть ничего, кроме бледных, одинаковых, как маски, лиц, скрытых тенью тёмных капюшонов. Люди что-то монотонно напевали. Их мантра звучала зловеще – глубоко из груди, с надрывом и какой-то неприятной, пугающей вибрацией.

Вззз-ти-рам-кади-зам! Вззз-ти-рам-кади-зам!

Будто это были вовсе не люди, а огромные гигантские мухи.

В их руках медленно раскачивался венки из колючей тюремной проволоки, и под этот жуткий напев они медленно приближались к перепуганной девушке. Их шаги были медленными, неторопливыми, но с каждым движением она всё больше и больше ощущала ледяной холод потустороннего мира.

Как же страшно! Хотелось кричать от мысли, что они собираются с ней сделать. Но её рот предательски застыл, и вместо криков выходил лишь беззвучный рыбий лепет.

Бежать было некуда. За спиной сырела каменная стена. Конечности, стянутые жёсткими верёвками, занемели и вздулись. И ничего больше не оставалось, кроме как, оцепенев от ужаса, ожидать своей страшной участи.

И вот – первые железные прутья, безжалостно врезаясь, хищно впились в нежную кожу. По шее заструилась тёплая кровь. Люди-мухи, не прерывая зловещего напева, надевали венки всё глубже, медленно проворачивая его, вдавливая острые шипы в живую плоть. Лица оставались застывшими, бесстрастными: на них не было ни злобы, ни ярости – только холодная, пугающая отрешённость.

Вззз-ти-рам-кади-зам! Вззз-ти-рам-кади-зам!

И оттого Женино сердце заколотилось ещё сильнее.

Неожиданно чьи-то крепкие руки схватили её, поволокли вглубь тёмного зала и швырнули на ледяной каменный стол. В воздухе продолжал дрожать монотонный напев, перекачиваясь гулким эхом.

Вдруг у кого-то в руке появилась большая щербатая пила. Её лезвие мрачно блеснуло в тусклом свете, и в следующий миг впилося в левую ногу Жени. Боль пронзила насквозь; Женя вскрикнула, выгнулась дугой, но окружавшие её люди (нелюди!) в чёрных капюшонах крепко удерживали со всех сторон.

Вззз-ти-рам-кади-зам! Вззз-ти-рам-кади-зам!

Пила, словно дикое чудовище, разрывала нежную плоть. Раздирала, разламывала её, как сухую ветку. С каждым новым движением металл с отвратительным хрустом пробирался всё глубже. Горячая кровь хлынула на камень, расплываясь по его шершавой поверхности багровым, пульсирующим пятном...

Вззз-ти-рам-кади-зам! Вззз-ти-рам-кади-зам!

Пила уже добралась до кости...

Вззз-ти-рам-кади-зам! Вззз-ти-рам-кади-зам!

Боль ослепила Женю. И она сдалась, больше не в силах её терпеть. И вот уже из обессиленного горла вырвался не безумный крик, а лишь звук, похожий на предсмертный вздох, и...

7

Февраль в этих краях был месяцем самым капризным: то крепкий мороз ударит, то метель рьяно завьюжит, то нежданная оттепель нагрянет, и «потечёт» тайга, вспенится рисовой кашей до ближайших заморозков.

Вот и этой ночью: кажется, только медленно падали мягкие хлопья снега, будто в небе кто-то растрепал огромную пуховую подушку, как вдруг налетел ледяной, пронизывающий ветер, отчаянно жонглируя снежинками и стремительно засыпая всё вокруг глубокими сугробами.

Мужчина зашагал быстрее. Освещая путь налобным фонарём, он спешно переступал на широких охотничьих лыжах. Слева послушно бежали две сибирские лайки.

Стояла безлунная февральская ночь. Поднявшаяся в тайге метель настолько уменьшила видимость, что отступи на несколько шагов в сторону – запросто потеряешь из виду лыжню. Ветер буйствовал в высоких тёмных кронах, и деревья, словно монахи в чёрных рясах, хором шептали: «Спешите! Спешите!» И лыжник спешил. Он знал эти места как никто другой, исходил их вдоль и поперёк – и в лютую стужу, утопая по пояс в сугробах, и в душный зной, отбиваясь от кровожадного гнуса, и в бабье лето, пробираясь по болотным топям. Но даже он понимал: ночью в тайге оставаться опасно, тем более в такую непогоду.

Вдруг одна из собак что-то учуяла и насторожилась. Вероятно, почувствовав близкое присутствие добычи, она засуетилась, возбуждённо виляя хвостом, пригнувшись и напряжённо вглядываясь в одном направлении.

– Сейчас не до зайцев, Туман! Смотри, как метёт! – недовольно прокричал мужчина сквозь натянутый почти до самых глаз воротник охотничьей куртки: ветер нещадно бил по лицу ледяными пощёчинами.

Но вторая лайка тоже замерла, вода носом.

– Поторопитесь, парни! Надо успеть до избы!..

Лыжник продолжил движение, но собаки упорно отказывались идти за ним, давая понять – что-то не так.

И когда он уже отошёл на несколько метров, один из псов вдруг громко, резко залаял. Человек, опешив, остановился: всегда послушные, обученные лайки, молча преследовавшие зверя по следу и подававшие голос только в случае необходимости, сейчас вели себя иначе. Похоже, они пытались позвать его своим лаем – не злобным, как если бы нашли добычу, но настойчивым и тревожным.

– Что там ещё? – нахмурился мужчина, резко разворачивая лыжи.

Лайки, увидев, что он идёт к ним, сорвались с места и рванули в глубь леса.

– Какого чёрта!.. – выругался он в недоумении. – Туман! Топор! Ко мне!

Но псы не слушались. Теперь они, уже вдвоём, заливались из темноты настойчивым лаем.

Мужчина спешно сошёл с лыжни и осторожно, почти вслепую (свет налобного фонаря мгновенно «съедала» снежная мгла), стал пробираться сквозь таёжные дебри, ориентируясь лишь на собачий зов. Наконец он увидел своих четвероногих помощников: они облаивали большой сугроб возле поваленной сосны.

Сперва лыжник решил, что собаки наткнулись на раненого зверя – возможно, кабана или волка. Он снял ружьё с плеча и, приблизившись, настороженно ткнул стволом в снежный бугор. Убедившись, что животное не представляет угрозы, он наклонился, снял варежку и начал очищать снег, который тут же ложился снова. Каково же было его удивление, когда, вместо зверя, он обнаружил человека.

Раненый охотник? Или, может, кто-то из рукавинских?

Мужчина аккуратно отряхнул снег с незнакомого лица, и его глаза округлились ещё больше: перед ним была женщина.

Одна, посреди ночи, в глухой тайге. Что за чепуха?

Он быстро оголил её запястье – кажется, жива... Не зря собаки лай подняли. Судя по всему, она пролежала в лесу не больше получаса, но успела переохладиться.

Он прикоснулся к её щеке – снег валил так густо, что мгновенно скрывал черты незнакомого лица.

– Вы меня слышите? Вы ранены?

Она не подала ни малейшего признака жизни.

Тогда он осторожно попытался взять её на руки, но вдруг почувствовал, как её тело болезненно напряглось, а из уст вырвался еле слышный стон.

Мужчина коротко бросил собакам «Домой!» и, прижимая к себе незнакомку, стал пробираться к лесной избе по лыжне, которую метель уже начинала активно затягивать снегом.

Первым делом он затопил остывающую буржуйку и, уложив Женю на лежанку – широкий настил из еловых стволов, устланный лапником и матрасами, – аккуратно освободил её от одежды, чтобы осмотреть на наличие травм. Когда он снимал с неё горнолыжные брюки, она, не открывая глаз, болезненно прохрипела. Её левая нога, от колена до стопы, выглядела пугающее: опухла и стала похожа на баклажан. Обширная гематома недвусмысленно указывала на перелом.

Мужчина крепко выругался: его неожиданной гостье срочно требовалась медицинская помощь, но организовать её сейчас не было никакой возможности. За окном набирала силу метель, и сколько она продлится – одному богу известно. Все пути к посёлку отрезаны.

Но зачем эта молодая женщина приехала в эту глухомань? Сюда, кроме заядлых охотников и рыбаков, в здравом уме никто не поедет. Он с деланным равнодушием окинул её взглядом, невольно отметив интересные черты её лица, обрамлённые спутанными русыми волосами, и лёгкую, стройную фигуру.

Однако, взглянув на её сломанную ногу, мужчина снова выругался. Недовольство и злость охватили его, когда он осознал масштабы внезапно свалившейся проблемы. Проблемы, лежащей прямо перед ним – без сознания, с тяжёлым переломом, здесь, в самой глухой части уральской тайги, куда зимой можно добраться только по зимнику, а летом – по реке; где нет электричества, отопления, водопровода, газа – ничего, к чему привык современный человек; где до ближайшей аптеки – сто километров по непролазному бурелому и замёрзшим болотам. И теперь ещё эта метель, перекрывшая все возможные пути к спасению... И в этих условиях ему нужно было эту проблему решать. И решать немедленно.

Мужчина вышел во двор. Снег сыпал так яростно, будто небесный пекарь затеял готовить гигантский праздничный пирог и с усердием просеивал через сито тонны муки. Сугробы выросли почти на метр, видимость стала нулевой: всё сливалось в сплошное чёрное полотно, и предметы исчезали в этом безбрежном снежном океане. Температура резко снизилась, воздух стал колючим. Хозяин поспешил перевести собак из уличных вольеров в сени.

Затем, не теряя времени, он набрал снег в ведро и растопил его на печи. Разлив тёплую воду по имеющимся ёмкостям, он аккуратно разместил их на одеяле, которым укрыл Женю, в надежде, что тепло согреет её переохлаждённое тело. Сверху он постелил второе одеяло.

После этого достал аптечку, разворошил её в поисках обезболивающего, но, обнаружив лишь перекись водорода и аспирин, стал нервно размышлять, что же предпринять дальше. После некоторых раздумий он спешно вернулся в сени.

8

Женя открыла глаза.

Рот пересох от жажды. Воды... Как же хочется пить...

Голова... Она гудит словно трансформаторная будка.

Лицо пылает, по телу бьёт озноб...

Девушка смахнула липкую прядь волос с лица и вдруг поняла, что кровь, которая тёплыми струйками стекала по шее во время того кошмарного сна, на деле оказалась лишь каплями пота.

Она попыталась приподняться, но в то же мгновение её пронзила такая невыносимая боль в ноге, что она громко взвыла. «Господи, так это был не сон?»

С ужасом она отбросила ёмкости с водой и несколько одеял, которыми была укрыта, обнаружив, что раздета до нижнего белья. Её левая нога, к великому облегчению, была на месте, но выглядела устрашающе: отёкшая и фиолетовая.

Что с ней?

Стиснув зубы, Женя осторожно коснулась повреждённой конечности. В этот момент раздался звук, похожий на хруст снега под ногами в морозный день, и что-то изнутри миллионами острых игл вонзилось в её голень. Девушку передёрнуло от боли, в глазах потемнело, закружилась голова. К горлу резко подкатила тошнота, Женя дёрнулась к краю постели и её вырвало на тёмный деревянный пол.

Она опустила обратно на подушку, закрыв глаза. Господи, как же скверно...

В голове стали смутно проноситься события последнего вечера. Гулянка с местными жителями, возвращение в гостиницу, заброшенные дома...

Медведь!

Перед глазами мелькнуло огромное рычащее чудовище, готовое разорвать её на части... Его зловещий хрип она никогда не забудет... Даже страшно вспоминать: на неё напал дикий зверь, и ей пришлось спастись бегством.

«Вот тебе и репортаж с увлекательным сюжетом...»

А может, это тоже был всего лишь сон? Слишком уж всё неправдоподобно... Но вот невидимый кинопроектор снова запустил вереницу кадров: темнота, какие-то постройки, деревья, деревья, бесконечные деревья... Сильный ветер, снова деревья... Резкая боль, падение... А что случилось дальше?

И где же Денис с Серёгой? Удалось ли им спастись? И чей это дом? Мысли перемешались, голова – тяжёлая и ватная – гудела, нога – адски ныла...

Женя пребывала в полном замешательстве.

– Здесь кто-то есть? – осторожно позвала она.

Ответа не последовало. Девушка повторила вопрос ещё несколько раз, но, похоже, в доме действительно никого не было.

Она огляделась, только сейчас осознав, что находится в незнакомом месте.

В избе – совсем небольшой, едва достигающей десяти квадратных метров – было темно. В единственном источнике света – затопленной буржуйке – потрескивали поленья. Над её заслонкой, точно лик святого, мерцал мягкий золотистый нимб. На огне тихо пытел большой котелок. У рубленого стола, заставленного нехитрыми припасами, притаились тени. На полках теснились ряды консервных банок и разной мелочи. Со стен проступали очертания неотёсанных брёвен, из которых был сложен дом. Большая его часть была погружена во мрак.

За узким, тёмным оконцем завывал ветер. Женя с тревогой вслушивалась в треск горящих дров – этот звук был для неё спасательным кругом, маяком, указывавшим на то, что она не одна в своей беспомощности, что есть кто-то, кто разжёт огонь, кто-то, готовый прийти на помощь. По крайней мере, так она надеялась, утешая измученное сознание иллюзией спасения...

Вдруг снаружи Женя уловила возню. Через мгновение дверь распахнулась, и в натопленную избу ввалился человек, окутанный клубами пара.

«Кто-то из местных...», – с надеждой подумала журналистка, почему-то вспомнив о Кувалде. В любой другой ситуации она предпочла бы избежать встречи с этой бабищей, но сейчас даже она казалась ей ангелом, спустившимся на помощь с суровых таёжных небес.

Женя приподнялась, пытаясь разглядеть вошедшего, но в следующий миг сдавленно вскрикнула. На пороге стоял крупный, плечистый мужчина с густой, растрёпанной бородой. В

одной руке он сжимал керосиновую лампу, отбрасывавшую на стены дрожащие тени, а в другой – несколько досок и... ручную пилу! Точь-в-точь такую же, что Женя видела в своём кошмаре!

Она застыла, не в силах даже вздохнуть. В эту секунду она бы отдала всё на свете, лишь бы вернуть себе способность двигаться и бежать без оглядки...

Вошедший, оставив вещи у порога, постучал ногой об ногу, стряхивая с валенок налипший снег, налетевший с улицы в сени. Только после этого его взгляд упал на Женю – он заметил, что она пришла в себя.

Мужчина направил керосинку в её сторону и, прищурившись, несколько мгновений изучал происходящее. Затем его глаза скользнули вниз, – на пол, где темнел след недавней рвоты, – и снова вернулись к Жене с мрачным выражением.

В оцепенении она уставилась на незнакомца, натянув до самого носа одеяло, от которого шёл резкий, землистый запах. Лицо вошедшего ей было незнакомо. В дом Галки он не приходил – значит, явно не местный.

– Кто вы? – выдохнула Женя с испугом. – Что я здесь делаю?

Мужчина не ответил. Небрежно стянув валенки и даже не удосужившись взглянуть на испуганную гостью, он тяжёлыми шагами прошёл в глубь избы. Женя тревожно следила за ним.

Это был человек лет сорока пяти, крупного телосложения, с неприветливым выражением лица. Мрачности ему добавляла густая окладистая борода. Густые лохматые волосы, давно забывшие прикосновение расчёски, неопрятно торчали в разные стороны, придавая ему дикий, почти первобытный вид.

Незнакомец порывлся в каком-то большом мешке, извлёк оттуда старое тряпье и стал рвать его на длинные полосы. Женя, затаив дыхание, следила за его действиями – в её груди поднималась волна тревожного предчувствия.

Затем мужчина подошёл к лежанке и бросил на пол ветошь, чтобы скрыть рвотное пятно. Затем взял стоявшие у двери охотничьи лыжи и пилу. Девушка вздрогнула. Неожиданным, резким движением он сбросил с неё одеяла, открыв её израненное, беспомощное тело.

Ещё под впечатлением от недавнего кошмара, который не отпускал её, Женя в испуге вскрикнула, её голос прозвучал глухо:

– Кто вы? Зачем вам пила?

Этот человек – неотёсанный, заросший, с диким взглядом – внулал ей необъяснимый животный ужас.

Тот лишь раздражённо посмотрел на неё и бросил хриплым басом:

– Лежи. Не двигайся.

Женя сжалась под его взглядом, глаза широко раскрылись от страха, пальцы вцепились в матрас. Она наблюдала, как незнакомец с неожиданной осторожностью приложил лыжи к сломанной ноге – одну с внешней стороны, другую с внутренней. Её передёрнуло: промёрзшее в сенях дерево мгновенно заключило конечность в свои ледяные объятия.

Сосредоточенный, мужчина, не обращая внимания на её реакцию, взял пилу и на каждой из лыж сделал надсечки. После, не сказав ни слова, вышел из избы: до журналистки донёлся ритмичный скрежет пилы, впившейся в холодную древесину.

Женя осталась лежать, всё ещё дрожа от пережитого, и только теперь, с тугой медлительностью осознавая: так значит он не собирался причинять ей вред...

Незнакомец вернулся, уже без лыж; в его руках были лишь обрезанные деревянные полосы. Он принялся накладывать шину. Сначала осторожно, с каждой стороны, между доской и сломанной ногой проложил старую одежду. Каждое прикосновение к травмированной конечности вызывало у Жени нестерпимую боль, и, несмотря на сжатые зубы, из её уст вырывался сдавленный скулёрж.

Бородач был так близко, что даже в полумраке она могла различить его лицо: обветренное, с резкими чертами, покрытое густой, неестественно пышной бородой. Он был близорук

и часто шурил глаза, вероятно, пытаясь разглядеть детали, что выглядело вполне естественно, учитывая, в какой темноте ему приходилось жить.

Его движения были неуклюжими, но методичными. Большие, шершавые руки, должно быть, потрескавшиеся от холода, покрылись тонкими кровавыми канавками, но, кажется, это его ничуть не заботило. Как и запах, исходивший от него: смесь застарелого пота и сырой овчины. Всё в нём говорило о человеке, закаленном суровыми условиями и равнодушном к чужому мнению. Его присутствие наполняло воздух тяжёлым, угрюмым напряжением.

Неожиданно для Жени он заговорил.

– Егерем я в этих краях... Возвращался вечером с обхода. Метель началась. Торопился. Вдруг собаки залаяли...

Он рассказал, как нашёл её в лесу по пути домой. Говорил сдержанно, короткими, рублеными фразами. Было ясно: многословие ему чуждо, а одиночество составляло его привычное состояние. Голос звучал сухо и натянуто, будто каждое слово давалось с трудом. Присутствие нежданной гостьи откровенно тяготило мужчину, и каждая реплика рождалась с заметным усилием.

Тем временем он продолжал приматывать старыми тряпками деревянные полосы к сломанной ноге. Удивительно, но его рассказ – сухой и неприветливый – притупил боль, переключил внимание Жени и позволил хоть немного успокоить воспалённый разум. К тому же это была именно та информация, которую она так пыталась узнать: кто он, как она здесь оказалась и что теперь с ней будет.

«Егерь значит, спас меня... А ведь я могла запросто замёрзнуть в этой бескрайней тайге», – холодком мелькнула мысль о возможном исходе. Её губы дрогнули в попытке что-то произнести, но резкое движение бородача – огромная ладонь, больше похожая на звериную лапу – заставило её замолчать.

Закончив с шиной, он скрутил из старого тулупа подобие валика и осторожно уложил на него зафиксированную ногу. Потом, нахмурившись, поправил подушку, устроив её так, чтобы можно было полулежать. Вернувшись с жестяной кружкой воды и какой-то белой таблеткой, он протянул их и сухо сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.